

**ГРАЖДАНСКОЕ
И ТОРГОВОЕ ПРАВО**
(энциклопедический словарь
Брокгауза и Ефрона)
Том третий
«Гражданский оборот» —
«Истребование документов»

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ▪ Юрайт ▪ 2017

УДК 347
ББК 67.404
Г75

Составитель:

Белов Вадим Анатольевич — доктор юридических наук, профессор кафедры коммерческого права и основ правоприменения юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Автор многочисленных публикаций — монографий, учебников и статей — по различным вопросам торгового (коммерческого) и гражданского права.

Г75 **Гражданское и торговое право (энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона). В 10 т. Том 3: «Гражданский оборот» — «Истребование документов» / сост. В. А. Белов. — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 387 с. — (Серия : Антология мысли).**

ISBN 978-5-534-04720-2 (т. 3)

ISBN 978-5-534-04718-9

Энциклопедический словарь, выпущенный немецкой фирмой Ф. А. Брокгауза (издатель — доктор Эдуард Брокгауз) и петербургской типографией Ильи Абрамовича Ефрона в 1890—1907 гг. в 86 полотомах, до настоящего времени по праву считается изданным на высочайшем уровне, сохранившим справочную актуальность и научную ценность. В настоящем издании вниманию читателей предложены статьи из данного Словаря по вопросам гражданского права. Большинство из них написаны виднейшими учеными-юристами своего времени — С. М. Барацем, М. И. Бруном, Г. Л. Вербловским, В. М. Нечаевым, В. В. Розенбергом, А. Е. Яновским. Среди авторов отдельных статей, вошедших в настоящее издание, много других авторитетнейших представителей русской науки, — исторической, экономической и юридической, — М. Я. Герценштейн, В. Э. Грабарь, А. К. Дживелегов, А. Ф. Кони, А. А. Мануилов, А. Н. Миклашевский, С. А. Муромцев, В. Т. Судейкин, А. И. Чупров и другие. В настоящий третий том включены термины начиная с «Гражданский оборот» и до «Истребование документов».

Издание является наиболее полным и универсальным русскоязычным справочником по основным понятиям гражданского права и предназначено для широкого круга читателей.

УДК 347
ББК 67.404

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-04720-2 (т. 3)
ISBN 978-5-534-04718-9

© Белов В. А., составление, 2017
© ООО «Издательство Юрайт», 2017

Г

Гражданский оборот — термин, употребляемый юристами для обозначения совокупности всех действий, которые в данном Г. обществе совершаются членами этого последнего (субъектами прав) с целью установления или прекращения Г. прав; таким образом Г. об. есть совокупность всех актов распоряжения, которые наблюдаются в обществе. Его не следует отождествлять с *торговым* оборотом, хотя оба в значительной мере совпадают.

Гражданский процесс — юридическое отношение, которое *истец* завязывает с *ответчиком* в гражданском суде, чтобы получить от суда как авторитетной власти приказ в защиту своего гражданского права; приказ этот выражается в судебном решении, а защита осуществляется исполнением решения. Поводом для возникновения Г. процесса служит обыкновенно спор о Г. праве, но также и вообще стремление лица изменить свое фактическое отношение к известному имуществу или к другим лицам, так что Г. процесс возможен не только, когда ответчик оспаривает право истца, но и когда он совсем не спорит, а лишь фактически не исполняет его требования (не платит ему денег, удерживает его ребенка и т.п.). Г. процесс возникает, движется, изменяется и, наконец, прекращается в Г. суде; деятельность суда относительно Г. процесса и отношения между судом и тяжущимися определяются правилами Г. судопроизводства (см.). Аналогичное Г. процессу отношение частных лиц, также вызванное спором о праве или стремлением изменить фактические отношения, но только совершающее свой цикл вне суда, без участия его органов, составляет область самоуправления (см.). Самоуправный Г. процесс предшествует исторически судебному, но постепенно, по мере роста общественной организации, вытесняется им; древнейший же судебный Г. процесс возникает в силу договорного или добровольного подчинения сторон (т.е. истца и ответчика) суду (см. Посредническое разбирательство). В современном Г. суде Г. процесс может возникнуть лишь при наличности известных условий. Необходимо, во-1-х, чтобы суд был компетентен для разрешения того столкновения материальных прав, которое вынудило граждан стать в положение тяжущихся; так, напр., Г. процесс не может возникнуть, если административное учреждение обложило гражданина неправильно высоким налогом (см. Компетенция, Ведомство). Если суд компетентен, то необходимо еще, чтобы по законам о подсудности (см.) он был уполномочен на разрешение данного конкретного столкновения; так, напр., Г. процесс не может возникнуть в мировом суде, если лицу нужно установить законность своего рождения. Необходимо, во-2-х, чтобы лицо было по законам способно искать и отвечать на суде (*persona legitima standi in iudicio*); эта способность определяется

правилами данного материального права о дееспособности (см.). Оттого в странах, где женщина ограничена в праве распоряжения своим имуществом, она вправе выступать на суде только или вместе с пособником, или в лице представителя. У нас в XVI и XVII вв. вследствие полного отсутствия определенных норм о дееспособности могли самостоятельно выступать на суде и малолетние. Ограничение права крепостных искать и отвечать на суде никогда не было проведено у нас безусловно; другие ограничения (для духовных лиц, для политически умерших) сложились в XVIII веке. Теперь безусловно не имеют у нас права судебной защиты лишённые всех прав состояния; через законных представителей должны искать лица, состоящие под опекою, кроме расточителей, которые связаны только известными ограничениями; ограничены в праве судебной защиты и несостоятельные должники. Юридические лица должны иметь особого поверенного. Неспособность лица искать и отвечать на суде есть такой порок Г. процесса, который делает его совершенно ничтожным, и потому на суде лежит обязанность по собственной инициативе (*ex officio*) проверять эту способность сторон (ст. 584 Устава гражд. судопроизводства). При наличности процессуальной дееспособности всякий вправе начать гражд. процесс — даже тот, у кого нет вовсе никакого материального права; в результате это окажется для него самого убыточным; но право являться истцом, по современным понятиям, неотъемлемо даже у профессиональных «ябедников, крамольников и составщиков», которые не допускались на суд у нас в эпоху Судебников. Но для того, чтобы раз начатый Г. процесс мог завершиться своим нормальным концом, т.е. решением, необходима еще легитимация лица, или право его на данный иск или на ответ по данному иску (напр., оспаривать завещание может только наследник по закону; отвечать за убытки, причиненные истцу на железной дороге, должен собственник дороги, а не собственник вагонов и паровоза). В отличие от процессуальной способности легитимация есть такое условие, наличность которого проверяется судом только по инициативе самих тяжущихся (см. Легитимация, Отвод). В своем простейшем виде Г. процесс есть отношение двух лиц — истца и ответчика; но отношение это осложняется или тем, что с самого начала к суду обращаются несколько истцов или вызываются несколько ответчиков (см. Соучастие в Г. процессе), или тем, что в начатый Г. процесс вступают или привлекаются новые, или т.н. третьи, лица. Такое осложнение Г. процесса не вносит в него беспорядка лишь при значительном техническом совершенстве Г. судопроизводства. У нас до Судебных Уставов 1864 г. привлечение третьих лиц (см.) не было вовсе предусмотрено законом, и хотя в законе упоминался случай вступления третьего лица (см.) с самостоятельными требованиями, но правил для этого не существовало. Юридическое отношение тяжущихся может переходить на других лиц путем преемства (см.); наконец, участники Г. процесса могут иметь заместителей (см. Представительство).

При состязательном судопроизводстве Г. процесс не может возникнуть без предъявления иска: действие это исходит от истца и только в исключи-

тельных случаях зависит не от его инициативы, а служит ответом на обращенный к нему вызов (напр., у нас при требованиях по сохранным распискам с наследников). Форма предъявления иска крайне разнообразна в истории судопроизводства и в современных законодательствах (см. Иск, Исковое прошение). Момент, к которому относится завязка гражданского процесса, не совпадает с моментом предъявления иска: в продолжение известного времени истец может еще взять просьбу назад, так что возникновение процесса находится под сомнением. В истории Г. процесса замечается постепенное сближение этих двух моментов; напр., в древнеримском судопроизводстве завязка Г. процесса наступала лишь после продолжительной процедуры пред претором (*litiscontestatio*); у нас для дел, производимых в общем порядке, началом процесса считается явка (см.) ответчика; но вообще в современных законодательствах Г. процесс признается начатым, когда ответчик получил извещение о вызове на суд. Только с этой минуты может начаться судебная (а не только распорядительная) деятельность суда. Содействие ответчика и его личное участие в современном судопроизводстве не требуется, потому что подчинение его суду основано теперь не на договоре его с истцом, а определяется государственными законами. В истории судопроизводства медленно (на Западе — только под влиянием канонического права) вырабатываются правила для заочного разбирательства; у нас они отсутствовали до реформы 1864 г. Отсутствие таких правил вызывало развитие поручительства в явке на суд и штрафов за неявку, приравнение неявки к слушанию королевскому или судейскому приказу и присуждение истцу всех его требований без доказательств (см. Заочное решение, Контумация).

Раз Г. процесс начат, у его участников являются взаимные права и обязанности; возникают также и обязанности их перед судом. Одной из юридических обязанностей тяжущихся в истории судопроизводства (римского, древнегерманского, канонического) было говорить всю правду под страхом проигрыша дела, уплаты штрафов и т.д.; в каноническом судопроизводстве, напр., стороны давали особую присягу в том, что они спорят по чистой совести. Но требование говорить всю правду неосуществимо на практике, потому что предполагает в тяжущихся более чем обычный уровень добродетели; если бы оно было осуществимо, не нужно было бы создавать сложной системы доказательств. Современные законодательства усматривают нравственную гарантию правдивости тяжущихся в гласности и устности производства; справедливые интересы противника достаточно ограждаются обязанностью возместить суд. издержки, а в исключительных случаях — предварительным их обеспечением (напр., у нас со стороны иностранцев). Обязанность возмещения издержек теперь зависит не от вины проигравшей стороны, а только от факта проигрыша (см. Судебные издержки). Юридические обязанности сторон в современном Г. процессе заключаются в индивидуализировании своих требований и возражений. Это значит, что стороны должны в точности ознакомить суд с тем конкретным материальным отношением, которое привело их на суд: нельзя сказать — я хочу полу-

чить от А 100 руб., а необходимо точно обозначить основание требования (напр., долг, убыток, дар); иначе процесс рисковал бы превратиться в театральное представление, а суд — в арену для безнравственных дел. Положение каждой из сторон имеет свои выгоды и невыгоды. Ответчик выходит победителем из Г. процесса, если истец не докажет своего иска, хотя это далеко не всегда значит, что ответчик прав; зато истца нельзя ни к чему присудить (кроме уплаты судебных издержек), ему можно только отказать в иске. Иногда законодательство наперед определяет, на которой из сторон должно лежать бремя представления доказательств (см. Доказательства в Г. процессе). Право требовать, чтобы противник индивидуализировал свои заявления и чтобы он доказал то, что обязан доказать по закону, — вот права стороны в Г. процессе. В частности, эти права осуществляются тем, что сторона должна быть осведомлена о всех заявлениях своего противника и иметь возможность проверять и опровергать как эти заявления, так и их доказательства. Гарантируются эти права правилами судопроизводства. Г. процесс подвигается вперед с помощью действий, исходящих от сторон (требования, утверждения, ссылки на доказательства), и с помощью действий, исходящих от суда (распоряжения, определения и, наконец, решение). Решением гражданский процесс оканчивается. Юридическое отношение, возникшее в силу предъявления иска, прекращается, как прекратилось то материальное отношение, которое существовало до обращения в суд. Напр., до суда был владелец имущества А, который застраховал его в обществе Б, и между обоими существовало материальное отношение: право А получить и обязанность Б уплатить в случае пожара 1000 руб. Когда А обратился в суд, между ним и Б установилось процессуальное отношение, в силу которого он стал обязан доказать и факт пожара, и размер условленного вознаграждения, и размер своего убытка, а Б приобрел право опровергать все эти заявления. Началась между А и Б процессуальная борьба, направляемая и сдерживаемая судом и нашедшая себе завершение в судебном решении. Прежнее материальное отношение сменилось новым: если А отказано в иске, возникло новое отношение — обязанность А возместить Б судебные издержки, если иск А удовлетворен, возникло также новое материальное отношение — А сделался бесспорным кредитором Б в сумме, определенной судом. Это новое материальное отношение может прекратиться миролюбиво тотчас же, если Б добровольно отдаст А эту сумму; но оно может привести к завязке нового процессуального отношения — по поводу исполнения решения, — где будут взыскатель и должник, с новыми правами и обязанностями (см. Исполнение решений, Взыскание). Г. процесс (в современном праве) изменяет материальное отношение, существовавшее между сторонами, только когда он завершается решением, притом вступившим в законную силу (см. Обжалование решений). Нередко, однако, гражданский процесс может не получить завершения в решении: так, если в течение трех лет (у нас и по французскому праву) сторонами не предпринято никаких действий, начатый процесс уничтожается сам собою, не оказав никакого влияния на материальное отношение.

Кроме того, Г. процесс может окончиться и мировой сделкою (см.), и отказом истца от иска (последнее, впрочем, только с согласия ответчика).

Ср. О. Bülow, «Die Lehre von den Processeinreden und die Processvoraussetzungen» (1868); J. Kohler, «Der Process als Bechtsverhältniss» (1888); Wach; «Handbuch des deutschen Civilprocessrechts» (I, 1885); А. Гольмстен, «Принцип тождества в Г. процессе» (1874); Н. Дерюжинский, «Отводы и возражения по русскому Г. процессу» (1889). Дальнейшие указания см. в ст. Г. судопроизводство.

М. Брун

Гражданский суд — см. Суд.

Гражданское общество — в особом смысле, употребляемом некоторыми юристами, обозначает совокупность всех лиц, которые в данное время и на данной территории участвуют в образовании Г. права. Члены Г. общества выступают или в качестве субъектов Г. прав, или в качестве власти (законодательства и суда), которое по призыву субъектов защищает их права.

Гражданское право — так называется отдел права, нормы которого определяют положение и регулируют отношения отдельных лиц как членов общества в их т.н. «частной жизни», т.е. их положение и отношения личные, семейные и имущественно-хозяйственные. Оно распространяется и на отношения различных общественных союзов и учреждений с государством во главе, но лишь постольку, поскольку эти отношения отливаются в форму частного хозяйства (см. Юридические лица). Согласно с областью применения норм Г. права, юристы называют его также «частным правом». Это последнее название теперь гораздо более употребительно ввиду неопределенности смысла первого [Оба названия — римского происхождения. Под *jus civile* римляне разумели или все свое право в его противоположности праву других государств, или ту часть его, которая, будучи выработанной творческой деятельностью юристов, не основывалась прямо ни на законах, ни на преторском эдикте и, не имея специального имени, называлась общим. А так как эта часть права в сохранившихся фрагментах Дигест сделалась со времен глоссаторов главным предметом изучения и легла в основу зап. Г. права, то за этим последним удержалось и римское название. — Название Г. права частным употреблено было римским юристом Ульпианом для отличия его от права публичного].

Область Г. права. Приведенное определение Г. права далеко не точно указывает на объем его норм, так как область частных отношений членов общества очень обширна, чрезвычайно разнообразна и не во всем своем объеме поддается юридической квалификации вообще и нормам Г. права в частности. Отсюда целый ряд попыток определить точнее юридический состав вышеупомянутых отношений для целей практики и науки. Одна из них, определяя круг личных потребностей в том *minimum'e*, который необходим для поддержания существования личности, ограничивает сферу

Г. права защитой этого *minimum'a*, предоставляя публичному праву всю остальную область потребностей. Представители этого мнения опираются на определение Ульпиана: «*publicum jus est, quod ad statum rei Romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem; sunt enim quaedam publice utilia, quaedam privatim*». К *minimum'у* потребностей они относят: потребность в подчинении внешнего несвободного мира «вещей» (см.), необходимого для поддержания физического существования личности (отсюда собственность и т.н. «вещные» формы обладания); потребность в сношениях с другими лицами для добывания этих вещей и обмен как ими, так и взаимными услугами (отсюда обязательства и договоры); потребность в обеспечении естественного продолжения личности в семье и роде (отсюда брак и семья); потребность в защите личности во время ее малолетства, в случае отсутствия родителей или тяжких болезней, препятствующих самостоятельной заботе личности о своих интересах (отсюда опека); наконец, потребность в заботах об имуществе личности на случай ее смерти (отсюда наследственное право). Круг означенных «прав личности» и считают постоянной областью Г. права. Соответствуя обыденному представлению об области Г. права, эта точка зрения не выдерживает критики ее противников, которые указывают на то, что она лишь внешним образом очерчивает круг гражданско-правовых отношений, не останавливаясь на точках соприкосновения их со сферами отношений нравственных, бытовых, религиозных. В действительности многие из перечисленных отношений перешли из области Г. права в сферу права публичного или нравов; это — большая часть отношений семейных и опека (см. Власть в сфере Г. права). Согласно с этим некоторые из юристов оставляют в сфере Г. права лишь одни *имущественные отношения* (Унгер, Зом, Мейер, Умов, Кавелин). Внося такую поправку, они не замечают, во-1-х, что и область имущественных отношений далеко не в целом составе принадлежит к области Г. права, так как значительная их доля регулируется публичным правом, а во-2-х, и того, что в действительности в сфере Г. права все-таки остается ряд отношений, не укладывающихся в понятие имущественных (главным образом — т.н. неимущественные интересы, см.). Чтобы быть последовательным, Кавелин отнес в сферу Г. права все имущественные отношения из области права публичного. Другие юристы (напр., Умов) поступают таким образом только с теми имущественными отношениями, которые подлежат специфическому способу защиты Г. правовых отношений — Г. иску в его современной форме, не идущей дальше имущественного взыскания, т.е. возвращения требуемой вещи или возмещения ущерба, причиненных правонарушением. Но если признать характерным признаком Г. права способ его защиты, что совершенно правильно (см. Право), то нет уже надобности поддерживать имущественный характер отношений, входящих в его сферу; достаточно сказать, что *область Г. права есть область частных отношений, защищаемых Г. иском*. Это определение и находит себе теперь полное признание (Иеринг, Тон, Дернбург, Дювернуа, Муромцев). Им не исключаются ни семейные отношения, ни неимущественные,

не определяется и самый характер иска, также изменчивый — и в то же время Г.-правовые отношения отделяются от публичных, так как последние Г. иском не защищаются. Последняя точка зрения имеет, однако, свой недостаток. Она *конкретно* не определяет области Г. права и оставляет открытым вопрос: какие же именно отношения защищаются Г. иском? Но ответа на этот вопрос и не может быть дано в общей формуле, так как с исторической точки зрения область Г. права — величина постоянно изменяющаяся и потому подлежащая для каждого момента развития специальному определению. А это уже задача норм Г. права, суда и науки.

Нормы Г. права и его наука. О характере этих норм мнения юристов также весьма различны. Одни, выходя из определения Г. права как права частных лиц и частных отношений, приписывают частным лицам и главную творческую роль в организации их отношений, т.е. в установлении их форм и содержания. Область гражданского права, говорят, есть «область индивидуальной свободы», «область господства частной воли» в установленных государством пределах. Это не значит, однако, чтобы с точки зрения представителей этого взгляда сфера Г. права была сферой произвола. Частная воля (см. Воля в сфере Г. права), как воля *правовая*, имеет свои законы и свой объем, определяемые «психологически необходимым» порядком отношений личности к окружающему ее внешнему миру. Нормы Г. права имеют задачей только вскрывать эти законы и этот порядок, а не творить его. Задача законодательства — «выяснить» и «додумывать» частную волю, не больше. Нормы Г. права определяются между прочим из наблюдения общего порядка отношений частных лиц, как он устанавливается в *обычае* (см.). Так как, однако, обычно-правовые нормы не констатируются участниками частного или Г. оборота в общей и точной форме, то обычай и не считается сам по себе надежной опорой права. Для его выяснения необходима еще специальная деятельность *науки Г. права* которая, исследуя законы индивидуальной человеческой воли в их существе и в их конкретном проявлении в истории, и служит высшим творцом норм Г. права. Такой состав норм и характер научной деятельности и существовал там, где Г. право достигло наибольшего процветания и высшей степени совершенства — в Риме. Не все римские нормы годны для нас, но поскольку римское право — «общечеловеческое право общечеловеческих отношений», постольку оно и теперь служит основанием Г. права. Во всяком случае *метод* римских юристов — единственно правильный путь в разработке Г. права. Деятельность законодателей, суда и юристов должна быть подчинена этому методу, получившему название «юридической конструкции» (см.).

В науке эта точка зрения имела недавно господствующее значение, так как ее держались представители т.н. «исторической школы» правоведения (Савиньи, Пухта, Виндшейд и др.; см. эти имена и Историческая школа права). Ее влияние сильно и теперь, хотя ее основы совершенно поколеблены. Главная из них — резкое отделение сферы частно-правовых отношений от публичных и ограничение области государственного воздействия

на первых. Небольшого числа исторических указаний достаточно для того, чтобы показать тесную взаимную связь частных и публичных отношений. На первых ступенях как Римской, так и западноевропейской истории личность меньше всего стеснена государством; здесь целиком «господство субъективной воли». Но здесь нет и признака проявлений «правовой воли», т.е. воли, выражающей уважение к чужой личности и имуществу; наоборот, здесь царство «самоуправства» и силы, символами которой являются рука или кулак (*manus* у римлян, *Munt* у германцев) и оружие (*hasta* у римлян, *fustuca* у германцев; см. Власть в сфере Г. права и Германское право). Рост *государства* есть вместе с тем и рост правовой воли. Государство медленно подчиняет праву частную волю, и не всегда успешно; долгое время и само оно носит поэтому частноправовой характер (см. Феодализм). В долгом процессе развития, однако, ясно замечается ограничение частной власти и воли. Этот процесс завершается теперь по отношению к личности, выведенной государством почти совсем из-под частноправового господства: без вмешательства государства частная власть привела бы личность к порабощению, иначе говоря — к несправедливости. Тот же процесс легко намечается и по отношению к власти над имуществом. Последнее, находясь постоянно в частном владении и в этом смысле составляя постоянный объект Г. права, в действительности никогда не стояло, по крайней мере в своей главной части — недвижимостях, вне наблюдения и организации со стороны государства или публичной власти. Общинный порядок владения как исходный пункт развития собственности (см. Общинное землевладение); феодальная организация общества, основанная на службе за землю; регламентация Г. оборота в эпоху так называемого полицейского государства — таковы исторические выражения «государственного вмешательства» (см.) в эту сферу. Свобода современной собственности также не исключает этого вмешательства: наоборот, эта свобода стоит в тесной связи с политической современной государства по отношению к «вещным правам» вообще (точное определение их форм, запрещение двойственности собственности, вытеснение всех вечных и наследственных зависимых владений, аренд, повинностей и т.п.). О государственном вмешательстве в юридическую организацию брака, семьи и наследования нечего и упоминать; значительная роль публичного элемента в этой сфере признана самими представителями исторической школы. Итак, *юридически формы отношений частных лиц — не столько продукт их деятельности, сколько организующего вмешательства государства*. Влияние государства в сфере частных отношений идет и гораздо дальше, проникая в сферу Г. оборота. Хотя творческим фактором последнего и является частная воля, так как распоряжение имуществом и вступление в соглашения с другими лицами — дело частного усмотрения и интереса, — тем не менее в общей деятельности членов гражданского общества господствующим началом является не эта воля, а те направления, которые складываются под влиянием интересов господствующего большинства. Они сталкиваются с проявлениями воли частных лиц, к нему не принадлежащих. Здесь начинается примиряющая деятельность

государства или, в случае недостатка установленных им норм, его представителя — суда, который при этом обязывается уже не вскрывать частную волю, а прямо *создавать* нормы. Таким образом и в главной сфере частной воли и обычая — иначе говоря, в области распределения частных правомочий — выступает на первый план элемент государственного, законодательного или судебного усмотрения.

Эти положения, выставленные против исторической школы главным образом *Иерингом*, колеблют, как уже сказано, ее главные выводы, касающиеся норм Г. права и задач его науки, и приводят к иным положениям, которые теперь и являются знаменем новой школы. Согласно с организующей ролью государства, творческим фактором в создании норм Г. права эта школа признает *закон* как руководитель частной воли, а не только ее выразитель. Отсюда и «конструкция» юридических отношений стоит столько же под воздействием логического начала, сколько и соображений целесообразности, законодательной и судебной. Значительная свобода судьи в Г. процессе вместе с господством принципиально направляющего его закона — таков основной лозунг школы *Иеринга*. Вместе с этим господство *обычая* как источника права сводится к *minimum'у* — и, разумеется, существенно изменяются *задачи науки Г. права*. Метод римских юристов и юридическая конструкция, основанная исключительно на логическом начале, уступают место наблюдению живого исторического процесса развития права и государства в связи с ходом народного хозяйства и общей культуры, а также изучению современных реальных потребностей быта, как задачам *чистой* науки, — а выработка и подготовка этим путем законодательных работ и указаний судьям ставится задачей «прикладной» науки. В результате *романистическое изучение гражд. права*, бывшее главным двигателем исторической школы и приводившее иногда к внедрению в современную жизнь мертвых норм, заменяется постепенно *сравнительно-историческим и социологическим изучением* права (см. Сравнительный метод в юриспруденции и Социология).

Последнее воззрение начинает приобретать все большее и большее количество сторонников даже в Германии, где родилась «историческая школа» и где поэтому особенно сильно ее влияние. Чистых представителей ее теперь, за смертью Виндшейда, осталось чрезвычайно мало (см. Кунце). Большинство в лице более видных своих представителей (см. Дёрнбург) останавливается на компромиссах. В других странах благодаря или живой роли законодательства (Франция), или специальным условиям развития права (Англия) идеи исторической школы никогда и не имели преобладающего значения. Успехи нового направления здесь поэтому гораздо заметнее и стоят в прямой связи с самостоятельным развитием науки. О России см. ниже.

Современное состояние Г. права и его теории, насколько последняя выражается в решении частных вопросов, как на Западе Европы, так и в России не соответствует учению представителей исторической школы о взаимном отношении источников права, основных юридических формах частных

отношений и способе распределения правомочий частных лиц в связи с этими формами.

А. *Современное Г. право Запада* [В дальнейшем изложении речь идет по преимуществу о двух типических образцах зап. права: французском и немецком] создано и продолжает формироваться под направляющим влиянием *законодательства* не только там, где оно вылилось в прочные формы еще под влиянием идей школы естественного права, против которой по преимуществу и были направлены учения исторической школы (Франция — см. Наполеонов кодекс, Пруссия — см. Прусское Г. уложение), но и там, где идеи последней получили полное господство (см. Саксонское Г. уложение и Общегерманское Г. уложение, существующее пока в виде проекта). То, чего не делает законодательство, восполняет судебная практика. Роль *обычая* как источника права во всех названных Г. законах сведена к *minimum*'у, почти исключена. Составители проекта общегерманского уложения, выражая современный, новейший взгляд законодателей, резко подчеркивают необходимость такого именно отношения источников права между собою. Обычай и ими отвергнут как источник права, несмотря на сильные голоса, стоявшие за его сохранение (мнение 5-го съезда нем. юристов). Ими же не только отчетливо выражено, но и проведено в проекте требование известной свободы судьи в квалификации юридических отношений и *творческой* роли как судебной практики, так и науки. Что касается *юридических форм частных отношений*, то они, несомненно, соответствуют как абстрактной схеме представителей исторической школы, так и ее основе — римскому праву: свобода личности, собственности и договора (обязательств), семья и определенный порядок наследования. Субъектом права, по учению исторической школы, является всякий человек независимо от положения политического, сословного, религии, национальности и т.д. Законодательства отрицают всякие ограничения правоспособности, связанные с упомянутыми сейчас моментами; в некоторых из них существуют лишь кое-какие ограничения прав иностранцев (см.). *Собственность* определяется как «полное и исключительное господство над вещью» в установленных объективным порядком пределах и является основным и типическим институтом всего вещного права. Рядом с ней существуют лишь формы владения, вытекающие из ограничений собственности, но таких, которые не вредят свободе собственника и не связывают воли последующих собственников. Двойственность права на вещь, имевшая место в средние века (*dominium utile, directum*), и всякие вечные или наследственные владения по принципу исключаются современным правом и если кое-где и терпят им, то лишь в качестве исторических остатков, подлежащих уничтожению путем выкупа. Виды ограничивающих собственность вещных прав точно устанавливаются законом. Свобода личности и собственности является господствующим началом в области *обязательственного и наследственного права*. Соглашение личностей, выражающее их свободную волю (договор), решает вопрос о передаче имущества или услуг одной из них взамен имущества или услуг другой. Отсюда возникает *обя-*

зательство, подлежащее безусловному исполнению. Роль, которую играет в обязательстве свободный договор как выражение частной воли, в области *наследственного* права принадлежит *завещанию*, исключаящему, раз оно существует, законный порядок наследования и определяющему судьбу имущества по воле владельца — завещателя. Законный порядок наследования покоится на *кровном родстве* (см.), хотя юридическое значение «родственного союза» (см.) в остальных Г. правовых отношениях ограничено до последней степени (существуют лишь некоторые взаимные обязанности родственников алиментарного свойства), что вполне соответствует характеру современной западноевропейской *семьи*, представляющей собою замкнутый и тесный союз небольшого круга близких лиц: мужа и отца, жены и матери с их детьми. Дальнейший круг родственных отношений стоит вне семейного права.

Сходство этой схемы с тою, которую по примеру Рима устанавливала историческая школа, ничуть не говорит о ее замкнутости и независимости от публичного права. Настоящее свое положение *личность* заняла лишь вместе с преобразованием современного западноевропейского *государства*. Раньше целые классы лиц были исключены из полного обладания Г. правами; последние ограничения национального и религиозного характера исчезли только в самое последнее время. Признание объективного и государственного элемента в организации собственности выражается уже в самом его определении: «господство в установленных законом пределах». Эти пределы, несомненно, широки, так как принципиальным воззрением законодательства является убеждение, что «свободная и необремененная собственность есть высшее благо, а сильно обремененная — зло»; но и ограничения довольно значительны и во всяком случае гораздо шире римских. Они устанавливаются не по какому-нибудь отвлеченному юридическому принципу, выводимому из понятия личности или собственности, а исключительно по соображениям целесообразности. «Римское право, — говорит Дернбург, — склонно было придавать преобладающее значение потребностям *собственника*; в современном праве, наоборот, выступают *социальные моменты*». К этим ограничениям относятся так называемые соседские права и полицейские ограничения, или так называемые «легальные сервитуты» (см.), идущие иногда до полного отчуждения собственности (см. Экспроприация). Требования государственного вмешательства в эту область не только не уменьшаются, но растут постоянно. Объективный элемент в *обязательстве* выражается в запрещении такого подчинения воли одного лица воле другого, которое простиралось бы до лишения свободы. Еще нагляднее сила «социальных и государственных моментов» в обязательстве проявляется в договорах рабочих с предпринимателями. Что касается *семьи* и связанной с семейным правом опеки, то, по современному воззрению, она и не входит более, в значительной своей части, в область Г. права (см. Семейное право); индивидуальное господство и власть личности заменены здесь публичной обязанностью (см. Власть в области Г. права). В законодательстве о незаконнорожденных юридические отношения уста-

навливаются не в силу естественного семейного начала, а по социальным моментам. Наследственное право, наконец, еще больше, чем другие отделы, проникнуто теми же моментами. Сюда относятся: ограничения свободы завещания обязательной долей, существующие во всех законодательствах; повышенные налоги на наследства, идущие помимо ближайших родственников, — налоги, обращающиеся почти в долю участия государства в собственности умершего лица на правах наследника, а не в качестве представителя потребностей государственного хозяйства; наконец, зависящее исключительно от воли государства установление круга законных наследников (см. Наследственное право).

Что касается влияния законодательства и суда в области распределения отдельных *правомочий*, вытекающих из основных форм частных отношений, то здесь следует отметить: во-1-х, те, которые изменяют отношение вещного и обязательственного права, уничтожая принципиальное различие между ними, установленное в римской теории: ограничения виндикации (см.), допущение возможности приобретения собственности через договор (франц. право и новый проект германского уложения), передача обязательств; во-2-х, те, которые вытекают из ряда неизвестных или мало развитых в Риме форм: одностороннее обещание (см.) как способ установления обязательств, договоры в пользу третьих лиц (см.), бумаги на предъявителя (см.), ряд абстрактных обязательств (см. Обязательство), правомочия, вытекающие из современной организации ипотеки (см.), и т.д. Сюда относятся и образование новых форм обладания имуществом благодаря развитию корпораций, товариществ и компаний, кот. не укладываются уже в римские формы «юридического лица» или «товарищества» (см.). Индивидуальная собственность совершенно преобразовывается здесь в общую, изменяя и строй связанных с ней правомочий.

Б. Русское Г. право еще менее, чем западноевропейское, может быть понято как цельная и замкнутая система норм, вылившаяся из естественных законов частной воли. Благодаря почти полному отсутствию влияния римского права и романистической теории юридические формы русского права, не прикрытые этой теорией, наглядно показывают распределение создавших его факторов. Среди них первое место, как и на Западе, занимает *законодательство*, под непосредственным влиянием которого русское право, начиная с конца XVII в., развивается почти исключительно. Действующий русский кодекс, по крайней мере по идее законодателя, должен был служить лишь *сводом законов* (см. Гражданские законы). Составители «Свода Законов» не последовали совету Екатерины «воздержаться от узаконений, с народным умствованием не совместных». Наоборот, ими *создан* был целый ряд новых норм, действующих и теперь (напр., раздельность имущества супругов). Рядом с этим положительным влиянием закона стоит отрицательное: огромные недостатки закона сильно отражаются и на состоянии права. Пробелы закона много восполняет *судебная практика* своими «толкованиями закона», и здесь опять следует отметить важную творческую роль этого фактора, создавшего, между прочим, значительную часть

нашего обязательственного права (см.), чрезвычайно бедного постановлениями в кодексе. Тем не менее этот фактор, лишенный почти опоры в науке и не имеющий принципиального направления в законодательстве, вносит немало колебаний в устои русской гражданско-правовой жизни. Роль обычая в русском Г. праве очень ограничена, хотя и больше западно-европейской. Он имеет действие, кроме мировых и общих судов (ст. 130 и 9 Уст. гражд. суд.), главным образом в судах волостных (см.).

В области установления *юридических форм* частных отношений *политические* влияния также отражаются в России более заметным, чем на Западе, образом. И у нас принято положение, что субъектом права является всякий человек. Но, во-1-х, в основе этой свободы для огромной массы населения лежит принудительный законодательный акт 19 февр. 1861 г., а во-2-х, в русском праве остались, а отчасти и усиливаются теперь ограничения правоспособности, связанные с национальностью (евреи и поляки), сословием (напр., новые правила о найме на сельские работы), религией (раскольники) и т.д. Остается и общее влияние сословного начала в некоторых отдельных частях права (опека, усыновление). *Собственность* — господствующий тип отношений, она имеет меньше ограничений соседских и сервитутных (отделы права, касающиеся последних, не развиты), чем на Западе. Исчезают зависимые формы владения, существовавшие в некоторых местностях (чиншевое право); другие исторические формы (общинное землевладение) поддерживаются специальными законами. Рядом с этим существует деление имущества на родовые и благоприобретенные — остаток старых политических влияний, и не определена точно система вещных прав — недостаток новых политических влияний. — *Обязательственное* право мало развито в законах, хотя два основных его начала — сила частной воли (см. Воля в сфере Г. права) и право надзора со стороны суда за соответствием обязательств общему порядку отношений (ст. 1536) — установлены. Существует много колебаний в практике при установлении форм новой жизни, неизвестных закону (договоры в пользу третьих лиц, бумаги на предъявителя и т.п.). *Семья* сохраняет основы, пережитые Западом: неограниченность власти мужа и отца (см. Власть) и церковную форму брака (см.). Несколько новых законов указывают на движение в этой сфере (гражданский брак раскольников, новые законы об узаконении и усыновлении), но ограничение дальнейшего хода реформ стоит в связи с политическим фактором — отношениями церкви и государства. *Наследственное право*, наконец, у нас, как и на Западе, стоит в связи с родовым союзом и собственностью. Ограничений завещаний у нас почти нет, что обусловливается делением имущества на родовые и благоприобретенные, а не принципиальным началом свободы частной воли. В области наследования по закону сохраняется ряд остатков старого политического положения личности по отношению к имуществам и государству (несправедливое неравенство сыновей и дочерей, наследование супругов в имуществе тестя и свекра).

В распределении *правомочий* отдельных лиц русское Г. право отличается большими недостатками. Законодательные постановления неясны,

а логические начала оказываются бессильными вывести судебную практику на настоящую дорогу. Отношения *договора и передачи* в приобретении собственности до сих пор спорны, отношение *купчей и ввода* во владение только недавно установлено практикой, но только благодаря влиянию закона — Судебных Уставов; положение движимостей в обороте вызывает множество сомнений. Отношение *вещного и обязательственного* права не определено ясно ни в законе, ни в практике. Столько же колебаний — в распределении прав и обязанностей, возникающих из отдельных договоров. Все эти недостатки русского Г. права ясно признаны, и пересмотр законов совершается (см. Г. законы); но в русской жизни далеко еще не выяснены основные взгляды на ход и принципы работы.

Кроме политических, общественных и культурных условий, в этом обстоятельстве отражается и то, что *наука русского Г. права* представляется мало развитой и недостаточно разработанной применительно к потребностям русской жизни. В своем историческом развитии она стоит в связи с зап. течениями, которые в силу *практического* направления самой науки обуславливались ходом западной жизни и часто не соответствовали нашим запросам. С другой стороны, она имеет и слишком непродолжительную историю. До конца 80-х гг. истекающего столетия ее влияние на русскую юридическую мысль было почти совершенно незаметно по слабому развитию и отвлеченности направления (естественное право). О серьезном ее развитии можно говорить лишь с этого времени. По инициативе Сперанского, озабоченного подготовлением учителей юриспруденции и желанием «снабдить каждый университет двумя или хотя одним русским проф. прав, приготовленным исключительно для сей части», были посланы за границу Неволин, Редкин, Калмыков, Куницын и Н. Крылов, которые и должны считаться действительными творцами русской науки гражданского права. Особенно важно значение Неволина, Редкина и Крылова, хотя последний почти не оставил печатных работ. Ученики всех этих лиц и являются по преимуществу главными деятелями в области науки русского Г. права. Сильно заметно в ней влияние нем. исторической школы и римского права, под которым воспитались и названные лица; но по отношению к большинству русских ученых этого направления следует отметить отсутствие увлечения крайностями этой школы (Мейер, Малышев, Победоносцев, Умов, Нерсесов). Более решительными сторонниками этих крайностей являются романисты-догматики (Дювернуа, Азаревич) и лишь отдельные цивилисты (Пахман). Новое направление зап.-европейской юриспруденции, выводящее ее на широкую дорогу изучения жизни и истории вместо римских формул, представлено, главным образом, учениками Н. Крылова и больше всего обязано своим распространением в России Муромцеву. К этому последнему направлению принадлежат и представители изучения русского *обычного права* (см.). Несмотря на определенность научных течений, наши цивилисты не дали еще руководящих трудов по многим отдельным областям и вопросам русского Г. права, которые ждут еще своей разработки,

оставаясь на одном только попечении практики — а практика бессильна дать идеалы и общие принципы без всестороннего теоретического изучения жизни.

Литература. Общих трудов по современному Г. праву нет, так как общая теория его излагается в римских «Пандектах»; существуют лишь общие труды по праву отдельных стран. Главнейшие из них: Unger, «System des österreichisch. Privatrechts»; Dernburg, «Lehrbuch des preuss. Privatrechts»; Aubry et Rau, «Cours de droit civ. franç.»; Laurent, «Principes de droit civil» (33 т.) и «Cours élémentaire de droit civil». Для ознакомления с положением всего современного Г. права Запада и с законодательной политикой по отношению к нему: «Motive zu dem Entwurfe des bürgerl. Gesetzbuches für das Deutsche Reich» (Б., 1888); Gierke, «Die sociale Aufgabe des Privatrechts»; A. Menger, «Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen» (Тюбинг, 1891). — Малышев, «Курс общего гражданского права России»; Мейер, «Русское гражданское право»; Победоносцев, «Курс гражданского права». Остальную литературу см. у Шершеневича, «Наука Г. права в России» (Казань, 1893), и в «Книге о книгах», под ред. Янжула.

В. Нецаев

Гражданское судопроизводство — законный порядок судебной защиты гражданских прав личности. Защита этих прав, совершаемая помимо суда, самими заинтересованными лицами, является самоуправством (см.). Судебная защита, состоящая в укреплении и охране прав в видах *предупреждения* споров, образует область охранительного судопроизводства (см.). К области Г. судопроизводства в тесном смысле (иначе — тяжёбного, или спорного, судопроизводства) относится судебная защита, направленная к формальному утверждению таких гражданских прав личности, которые оспариваются другими лицами или фактически нарушены. Нормальное гражданское судопроизводство есть путь, которым права, прежде невыясненные или сомнительные, получают формальный или бесспорный характер. Эта задача гражданского судопроизводства осуществляется тем, что или восстанавливается нарушенное право, или известное право признается существующим (например, восстанавливается право А на землю или Б признается законным сыном В). Судебная защита гражданских прав производится судами, которые теперь, за малыми исключениями (см. Третейский суд), суть органы государственной власти (см. Патримониальные, Сословные суды); поэтому современное Г. судопроизводство образует составную часть публичного права (см.). Это значит, что формы и способы судебной защиты не могут быть изменяемы соглашением частных лиц (напр., нельзя по обоюдному соглашению судиться сперва в сенате, а потом в окружном суде; нельзя обойтись без письменного изложения решения); но так как предметом судебной защиты служат права гражданские, самая защита которых зависит от инициативы частных лиц, то в каждом отдельном процессе многие нормы могут остаться без применения (напр., ответчик может отказаться от возражений против иска, стороны могут совсем не довести дела до решения); Г. судопроизводство есть явление историческое; абсолютной системы Г. судопроизводства, пригодной для всех времен и народов, не существует. Историческим характером отличаются

не только органы и формы его, но и отношение его к уголовному судопроизводству (см.), с которым оно долго было слито, в особенности же *его отношение к гражданскому праву*. В настоящее время Г. судопроизводство служит ареною для применения Г. права; суд разрешает спорные случаи так, чтобы найти им место в существующем порядке юридических отношений; но самый порядок этот сознается независимо от деятельности суда, и только сравнительно немногочисленные юридические отношения выясняются и утверждаются при посредстве суда. Так, напр., большинство отношений, вытекающих из наследования имуществ или из договоров, вовсе не доходит до суда, потому что порядок, которому должны быть подчинены эти отношения (напр., доля братьев и сестер в наследственном имуществе, случаи и размер ответственности контрагентов за убытки), заранее определен *законами* и существует в сознании граждан; если же отношение и доходит до суда, то последний уже заранее знает, как он должен регулировать его, раз только оно выяснится перед ним и освободится от своей спорной оболочки. Иначе бывает при той стадии развития, когда законов нет и когда самые понятия гражданского права вырабатываются путем судебных решений; последние имеют тогда значение источника гражданского права. Так было, напр., в начале юридической эволюции. Тогда суд служит не только ареною для применения, но и *органом образования гражданского права*. Г. судопроизводство часто представляет уже достаточно разработанную систему, когда понятия гражданского права едва только обрисовываются. Механизм, при помощи которого вырабатываются эти понятия в форме судебных решений, естественно должен быть доведен до известного совершенства, прежде чем начать вырабатывать продукты. Сообразно с тем значением, которое имеет Г. судопроизводство для гражданского права на разных ступенях развития, изменяется и все строение Г. судопроизводства. Когда судебная и творческая функции в сфере гражданских юридических отношений слиты в лице суда, тогда судья бывает вынужден, прежде чем издать приказ, регулирующий отношение сторон, обратиться за советом и наставлением к учреждениям и лицам, более его сведущим в праве; например, в Германии еще в нынешнем столетии существовал порядок отсылки дела на разрешение юридического факультета (*Actenversendung*), который решал его как теоретическую задачу, после чего суд выносил решение, облеченное в форму принудительного приказа. Аналогичное явление представляет у нас в эпоху Судебников «доклад», т.е. добровольная передача судом дела на разрешение высшего суда — боярской думы, «приказа», — вызванная неумением решить дело. Подобные явления невозможны, когда источником гражданского права служит отвлеченный закон. Большое взаимодействие существует между организацией Г. судопроизводства и политической и общественной жизнью страны. Формы, гарантирующие правильный ход правосудия, превращаются в мертвую букву, когда судья становится органом администрации; гласность перестает играть роль контроля правосудия, когда отсутствует свобода печати, и т.д.

В новой истории Европы отделение судебной власти от законодательной совершилось раньше и полнее, чем от административной. В императорском Риме государь лично участвовал в решении гражданских споров, и это объяснялось тем, что римское право вообще создавалось путем судебных решений. В средние века личное участие королей возможно было только до появления в судах ученых юристов (см. Рецепция); с тех пор государи постепенно отстраняют от себя отправление Г. правосудия, а в современных западных конституциях содержится прямое запрещение «кабинетной юстиции». Всюду в монархических государствах правосудие отправляется именем государя, но источником судебного решения служит закон, и гражданский судья не вправе решать дела на основании приказаний, не носящих формальных признаков закона. Реформой 1864 г. проведен и у нас принцип отделения судебной власти от законодательной, так как суд не вправе более обращаться к законодателю за восполнением источника гражданского права — Свода Законов, а обязан решать дела на точном основании существующих законов, и дела — по крайней мере, в нормальном порядке — не восходят более на разрешение государственного совета. Зато принцип отделения судебной власти от административной, также проведенный реформой 1864 г., сильно поколеблен законом 1889 г. (см. Земский начальник).

Хорошая организация гражданского судопроизводства имеет огромное значение для общественной жизни — гораздо большее, чем хорошие гражданские законы, потому что путем соглашения можно устранить действие большей части норм материального гражданского права, не соответствующих потребностям и воззрениям общества, но от опасности быть впутанным в процесс уберечься нельзя и устранить вредные последствия дурной организации Г. судопроизводства невозможно. Организация Г. судопроизводства отражается на гражданском и торговом обороте. Оно имеет также образовательное значение для народа, воспитывая в нем личную самостоятельность и оказывая нередко более существенные услуги в борьбе с недобросовестностью, чем уголовный суд и полиция. Наконец, организация Г. судопроизводства отражается на самих судьях, на их достоинстве и общественной роли. Так, при старом письменном производстве судья был игрушкой в руках канцелярии и легче поддавался искушению подкупа, чем при гласном, состязательном производстве. При всем значении политического фактора для организации Г. судопроизводства преувеличивать его роль, однако, не следует. Отправление правосудия есть искусство; как и всякое другое искусство, оно предполагает формы, правила, приемы; эта техническая сторона Г. судопроизводства сама по себе настолько важна, что перевешивает иногда воздействие политического фактора. В истории не раз наблюдалось, что формы Г. судопроизводства и формы политической жизни одного и того же времени соответствовали как бы разным эпохам; так, напр., в Австрии в XIX в. давно уже господствовала гласность в политическом строе, когда Г. судопроизводство продолжало еще представлять собою сплошную канцелярскую тайну; наоборот, в Римской

империи давно уже воцарился деспотизм, когда все еще продолжали действовать присяжные выборные судьи. Техника правосудия или судебная практика вырабатывает приемы и традиции, влияющие на самую организацию Г. судопроизводства. Последнее представляет совокупность форм, в общей сложности обеспечивающих правильное отправление правосудия. В XVIII веке одною из любимых тем просветительных писателей было осмеивание форм Г. судопроизводства; его изображали как сеть крючков, разостланную для облегчения торжества неправды, и восхваляли благодетельства идеального порядка, при котором стороны являлись бы к судье, излагали бы свой спор и тотчас же, не прибегая к дальнейшей процедуре, выслушивали бы от него решение. Но отрицание форм должно быть отнесено к области мечтаний, ответственность за которые всегда падает на дурную или чересчур сложную организацию Г. судопроизводства. Формы, которыми определяется вызов ответчика, извещение его о предмете иска, предоставление ему срока на явку, изложение решения, порядок сношений сторон с судом и т.п. — безусловно необходимые гарантии правосудия. Они гораздо менее вырастают органически, чем составляют результат творческой мысли и расчета (см. Формы и формализм). В настоящее время формы Г. судопроизводства устанавливаются законодательством; но и теперь, даже там, где законодательство создало стройную систему Г. судопроизводства, многие подробности дополняются специальными «наказами» самих судов. Современный пример более значительной автономии суда в организации Г. судопроизводства представляет Англия, где законы (Judicature Acts) устанавливают только основные начала Г. судопроизводства, а все детали вырабатываются комиссией из высших судей (Rules Committee). Но каким бы способом ни создавались формы Г. судопроизводства — путем ли законодательства или автономией суда, всегда судебная практика кладет на них свою печать и в сильной степени перерабатывает их.

При всем своем разнообразии исторические организации Г. судопроизводства группируются вокруг определенных принципов.

I. В современном Г. судопроизводстве от инициативы самих заинтересованных лиц зависит и начало процесса, и представление суду доказательств в защиту своего права. В силу этого *состязательного* принципа организации Г. судопроизводства суд приступает к делу только при наличии исковой просьбы; он не собирает справок, решает дела только на основании доказательств, представленных сторонами, и не может присудить другое или большее, чем то, о чем они просили. Противоположность этому составляет *следственный принцип*, при котором суд начинает дела без просьбы и даже ведома заинтересованных лиц и сам собирает доказательства или чинит розыск для проверки прав частных лиц. Технические неудобства следственного начала лежат в том, что при нем легче нарушаются права одной из сторон, легче судья впадает в односторонность, легче замедляется ход процесса. Но и состязательный принцип, как это показал долгий исторический опыт Германии, сам по себе еще не разрешает всех технических задач правосудия; доведенный до крайности, он приводит к господству бессер-

дечного формализма, при котором в судьях укореняется убеждение, будто их назначение состоит лишь в установлении формальной правды; бедный и невежественный становится жертвою искусного соперника. Целесообразная юридическая техника не может не предоставить господства состязательному началу, вытекающему из самой природы гражданских прав личности; но она должна сочетать его в надлежащей мере с свободой судьи в исследовании дела и обнаружении истины. В современном русском Г. судопроизводстве требования целесообразной техники более или менее достигнуты тем, что состязательное начало не стесняет судью в праве уяснять себе дополнительными вопросами неясное в объяснениях сторон, указывать сторонам на пробелы в доказательствах и т.д. Состязательный принцип лежит в основе важнейших исторических систем Г. судопроизводства (римского, средневекового германского и французского) и всех современных систем. Следственное начало вносилось в Г. судопроизводство всюду и всякий раз, когда защита гражданского права сопряжена была с государственным или общественным интересом; так, в средневековом каноническом судопроизводстве споры брачного права, у нас с XVI в. — споры вотчинного права велись следственным порядком. У нас история Г. судопроизводства с XVI в. представляет вообще постепенное склонение старого состязательного судопроизводства («суда») к следственному (очная ставка, сыск) во всех делах; временное возвращение при Петре В. к состязательному судопроизводству (указ о форме суда) не помешало судебной практике вернуться к следственному началу, с которым покончила только реформа 1864 г. Пример следственного судопроизводства представляла также Пруссия, где Фридрих Великий (1781) ввел его на место дурно устроенного состязательного судопроизводства; но в 1833 году и здесь вернулись к состязательному началу. — Необходимым дополнением состязательного начала служит принцип, что на суде должны быть заслушаны обе стороны (*audiatur et altera pars*; *eines Mannes Rede ist eine halbe Rede, man verhör sie alle Beide*). Это не значит, что другую сторону *необходимо* заслушать, но только, что ей должна быть дана возможность высказаться. Отступление от этого начала допускается только в применении к требованиям, удовлетворение кот. часто бесцельно, если противник предупрежден (напр., обеспечение иска).

II. В современном Г. суд-стве от судьи требуется сложная критическая работа над фактическими обстоятельствами спорного случая; он может применить юридическое правило к делу не прежде, чем обсудив все, что говорилось сторонами, и оценив доказательства, представленные в подтверждение или опровержение спорных положений. В этой оценке доказательств современный судья свободен; главным для него критерием должно служить его собственное внутреннее убеждение (см. Доказательства). В наше время отрешились от векового недоверия к честности и справедливости судей, полагая, что в силе общественного мнения, в гласности суда и в независимости судей лежат достаточные гарантии хорошего правосудия. Знаменитый афоризм Бэкона, что лучше всех тот закон, кото-

рый оставляет возможно меньше свободы усмотрению (*arbitrium*) судьи, и лучше всех тот судья, который наименьше пользуется своим усмотрением, теперь звучит анахронизмом. Организация Г. судопроизводства в этом отношении исчерпывается постановкою своего рода контрольного снаряда: от судьи требуется, чтобы он брал свои сведения о фактах только из дела, а не из-за кулис, и чтобы он мотивировал сделанную им оценку спорных обстоятельств дела. Современного судью по его полномочиям в оценке доказательств и в установлении истины можно было бы уподобить обыкновенному научному исследователю, если бы свобода судейской оценки не находила себе необходимого предела в самом свойстве гражданских прав. Судье приходится нередко признавать доказанными вопреки своему личному убеждению факты, не оспариваемые или признаваемые тяжущимися; с другой стороны, ради спокойствия и уверенности гражданского оборота законодательство часто объявляет известные формы сделок (векселя, крепостные акты, записи в ипотечных книгах) необходимым доказательством известных юридических отношений (напр., у нас нельзя свидетелями доказывать покупку недвижимого имущества). Вообще говоря, однако, судебная реформа 1864 г. у нас, 1877 г. — в Германии порвала с царством умственной лени и равнодушия к торжеству правды или лжи на суде, которое явилось прямым последствием теории *формальных доказательств* (см. Доказательства).

III. Различие в организации Г. судопроизводства определяется, далее, формами, в которых совершается обмен мыслей между судом и сторонами. В *устном* судопроизводстве решение судьи основывается на *непосредственно* выслушанном состязании сторон; решение не может быть постановлено без состязания сторон; оно должно быть постановлено тем самым судьей, перед которым происходило состязание; последнее должно быть повторено, если заседание было отсрочено. Наоборот, в письменном судопроизводстве решение основывается не на результатах «судоговорения», а на состязательных бумагах, поданных сторонами, на письменных протоколах и на записках, составленных на основании предшествующих объяснений и собранных доказательств. Лично судья тяжущегося не видит вовсе или видит столь задолго до решения, что должен позабыть его, такие второстепенные обстоятельства, как поведение на суде, характер лица, степень его развития — в своей совокупности влияющие на образование убеждения судьи в устном судопроизводстве, — в письменном исчезают вовсе. В коллегиальных судах дела при письменном судопроизводстве фактически решаются членом-докладчиком, а если доклады пишутся секретарем, то фактически судьба дела оказывается в руках канцелярии. В свою очередь, стороны, обращаясь не к живому судье, а к мертвой бумаге, легче усваивают себе недостойные приемы защиты; так, в половине нашего века в Германии в судах возмутительное искажение истины, спор по поводу самых бесспорных обстоятельств сделались настолько обычными приемами со стороны тяжущихся, что в литературе серьезно рекомендовалось введение устрашающих мер для прекраще-

ния этого зла. Письменное судопроизводство не следует отождествлять с употреблением письменности в суде. Производство с одними устными и непосредственными сношениями составляет достояние ранних ступеней развития; теперь оно необходимо только для таких общественных сфер, где слабо распространена грамотность, и возможно только для несложных дел (наши волостные суды). Без письменности нельзя обойтись для подготовки процесса: она избавляет от бесполезных явок и от затяжек, она дает возможность фиксировать споры на случай будущих процессов; без нее сложные дела не могли бы вовсе укладываться в памяти судей; она неизбежно вызывается развитием системы обжалования решений. Производство, допускающее предварительный обмен бумаг, не перестает быть устным, если только стороны не были связаны в своей защите содержанием бумаг, а вольны представлять на словах новые доводы, ссылаться на новые доказательства, приводить новые возражения. В Западной Европе, как и у нас, долгое время в судах обходились без всяких записей; в феодальных судах Франции и Англии еще в XIII в. даже решения не излагались на письме и только сохранялись в памяти судей; письменные исковые просьбы появляются в конце XIII в. под влиянием канонического права. У нас первые «челобитные» появляются только в XVI в. Внесение письменности в Г. судопроизводство на Западе было делом канонического права; в церковных судах письменное производство явилось уже в IX в. Сперва требовалось от истца письменное изложение его просьбы; затем стали требовать от ответчика письменного изложения его возражений; устное состязание исчезло постепенно, благодаря тому, что требовалось точное до мелочей занесение в протокол каждого слова сторон. В истории русского Г. судопроизводства повторилось то же: письменность явилась следствием той мелочной точности, с которою подьячие времен Уложения заносили в протоколы каждое слово. Беспрепятственный отказ от собственных слов, недоверие к судьям привели к замене устных объяснений, представлявших часто сплошную ругань, письменными объяснениями. Реформа 1864 г., возвратившая русскому Г. судопроизводству состязательный принцип и свободную оценку доказательств, восстановила и устное производство.

IV. Превращение устного производства в письменное исторически тесно связано в Германии и России с воцарением в судах канцелярской тайны и изгнанием из них *гласности*, до того времени гласность производства была неограниченна, в особенности благодаря участию в судах народного элемента (см. Судопроизводство). Гласность уцелела в самых широких пределах в Англии и никогда не была вполне отменена во Франции. Теперь в современном Г. судопроизводстве она составляет общепризнанный принцип, из которого допускаются лишь изъятия по соображениям политического и нравственного свойства (см. Гласность). С точки зрения техники правосудия необходимость гласности стоит вне всякого сомнения. Гласность имеет также воспитательное значение для сторон и для публики, если она соединена с широко проведенною устностью. Пример того, до каких

пределов может быть доведена гласность, представляет Англия, где даже совещания судей происходят публично.

V. Характерною чертою современного Г. судопроизводства является, наконец, его *возмездность*. Государство защищает гражданские права, но взимает за свои услуги плату. Возмездности правосудия обыкновенно находят принципиальное оправдание в том, будто ею сдерживается сутяжничество и предупреждается обременение судей неправыми делами: но судебные сборы существуют искони, существовали, напр., и у нас в эпоху Судебников — и, однако, жалобы на профессиональных сутяжников, изобретательность которых была поистине изумительна, наполняют всю нашу дореформенную историю. Лучшею гарантией против этого зла служит, конечно, гласность производства, хотя и ее нельзя считать панацеей, как показывает история Англии, где судопроизводство всегда было дорого и всегда гласно и где борьба с сутяжничеством составляла, тем не менее, один из главных предметов законодательных актов (см. Сутяжничество). Для возмездности правосудия можно найти объяснение только в фискальных интересах государства, которое исторически — на Западе со времен варварских королей, у нас с древнейших времен, когда суд составлял одну из доходных статей княжеской власти (см. Кормление) — освоилось со взиманием доходов от отправления правосудия (см. Судебные сборы). Помимо уплаты прямого налога в пользу государства ведение процесса связано с множеством побочных расходов (см. Судебные издержки), размер которых выше при письменности производства, при большем территориальном районе суда, при допущении судебного представительства и т.д., и общая сумма которых в связи с обязанностью вознаградить победившего противника делает подчас процесс крайне дорогим и судебную защиту малодоступною, общественному значению суда наносится дороговизною его урон, неправые дела от нее не переводятся, а многие справедливые интересы остаются незащищенными; право бедности (см.) только в ограниченной степени служит здесь коррективом. Попытка установить полную безмездность правосудия была сделана французским национальным собранием в 1790 г.

Не только для всех современных культурных государств, но даже и для одного государства не существует одинакового порядка Г. судопроизводства, по которому решались бы все дела. Такой однообразный порядок возможен только на ранних ступенях развития, когда однообразно и то юридическое отношение, разрешение которого поручается суду. Так, напр., древнейший и долго единственный германский или русский процесс был — виндикация движимости; тогда, понятно, и порядок производства был один. В современном Г. судопроизводстве порядков производства множество; их существование отчасти вызвано историческими причинами, отчасти объясняется разнообразием судов (см. Судостроительство) и оправдывается, например, разнообразием процессов. Невозможно применять один и тот же порядок Г. судопроизводства для разрешения процесса, вытекающего из долга по векселю, и процесса, вытекающего

из права собственности на землю или из завещательных распоряжений. В германском и французском законодательствах, сложившихся под влиянием канонического права, имеют большое значение суммарные (см.) порядки. У нас исторически образовались два порядка — для дел вотчинных (вещных исков) и исковых (личных исков). Ко времени реформы 1864 г. у нас образовалось деление порядков на бесспорный и спорный, причем спорный подразделялся на четыре главных — по делам вотчинным, казенным, по долговым обязательствам и по искам об обидах и убытках. Сверх того, существовало 16 особенных порядков (дела о свободе, брачные, государственных крестьян и т.д.). В настоящее время после реформы 1864 г. и позднейших изменений порядки, свойственные различным судам (волостной суд, городской судья или земский начальник, уездный член окружного суда и мировой судья, окружной суд, коммерческий суд, духовная консистория), дробятся в зависимости от сложности их ведомства. Так, уже городской судья, кроме обыкновенного порядка, функционирует еще в порядке понудительного исполнения по актам; мировой судья, кроме обыкновенного порядка, — еще в упрощенном порядке. В окружных судах действует, кроме обыкновенного судопроизводства, сокращенное, упрощенное и исполнительное (см.) и специальные порядки для дел: 1) казенных управлений, 2) о взыскании вознаграждения за убытки с должностных лиц, 3) брачных и о законности рождения, 4) судебнo-межевых, 5) о несостоятельности. Сверх того, существуют еще специальные порядки для определенных территорий страны.

Различные формы производства по действующему русскому законодательству группируются сообразно с источниками этого законодательства так: 1) Формы производства по уставу Г. судопроизводства императора Александра II; они применяются в «новых судах», т.е. в судах, образованных по уставам 20 нояб. 1864 г. и по позднейшим дополнительным к ним узаконениям. 2) Формы производства по законам о судопроизводстве и взысканиях гражданских, помещенным во 2-й части X тома Свода Законов и действующим в «старых судах», в тех местностях, где эти суды сохранились (см. Судостроительство). 3) Формы производства по правилам о производстве судебных дел в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках (законы 12 июля в 29 декабря 1889 г.). 4) Формы производства по Уставу судопроизводства торгового, помещенному во 2-й части XI тома Свода Законов (см. Коммерческий суд). 5) Формы производства по делам о расторжении браков: православных — по Уставу духовных консисторий изд. 1883 г., а лиц, принадлежащих к другим исповеданиям, — по уставам духовных дел иностранных исповеданий, помещенным в 1-й части XI т. Св. Законов. Производство состоит в ряде судебных действий, которые совершаются в известной хронологической постепенности: *формальной*, если она заранее строго определена законом; *произвольной*, если в каждом отдельном процессе суд вправе по своему усмотрению допускать и совершать известные действия то раньше, то позже. Ничто, быть может, не иллюстрирует в такой мере

исторический характер Г. судопроизводства, как формальная постепенность некоторых судебных действий. Так, мы считаем теперь естественным, что сперва суд постановляет решение, а затем уже решение приводится в исполнение; между тем, на той ступени эволюции, когда суд только что явился на смену самоуправства (см.), сперва осуществлялось право (напр., истец захватывал спорную вещь), а затем уже постановлялось решение, которое, следовательно, могло только санкционировать совершившийся факт. Пример формальной постепенности судебных действий представляет движение процесса по инстанциям: дело не может быть решено по существу высшим судом, если оно не было решено низшим. При производстве в одном и том же суде важнейшими действиями являются: 1) представление сторонами своих объяснений и возражений, и 2) исследование доказательств, на которые сослались стороны. Эти две группы действий в различных системах Г. судопроизводства комбинируются или в формальной, или в произвольной постепенности. У нас, напр., по Уставу Г. судопроизводства можно уже при самом предъявлении иска не только объяснить свои требования, но тут же представить и самые доказательства; или же можно сперва объяснить свои требования и возражения, после чего суд определяет порядок представления и способ проверки доказательств; в зависимости от результатов этих доказательств можно дать новые объяснения, видоизменяющие первоначальные; при этом можно сослаться на новые доказательства, после чего суд может приступить к проверке и этих доказательств. Если эта смена двух групп действий встречает предел, то отнюдь не со стороны закона, а в верховном праве всякого суда принимать меры к окончанию процессов и не становиться игрушкой в руках тяжущихся. Обратное явление представляет, напр., средневековое германское судопроизводство или современное австрийское письменное судопроизводство. Здесь строго различаются стадия изложения обстоятельств дела или фиксирования пунктов спора и стадия представления и проверки доказательств; раз одна из стадий пройдена, вернуться к ней нельзя (см. Доказательства). В отношении к некоторым судебным действиям применяется и у нас формальная постепенность; так, отвод о неподсудности дела, предъявление встречного иска должны последовать в первом судебном заседании и т.д.

Из важнейших современных систем Г. судопроизводства только английское может считаться чуждым посторонних влияний и свободным от заимствований. На материке Европы всюду национальные системы Г. судопроизводства являются или продуктом смешения туземных и иноземных элементов, или же прямо результатом заимствований. Так, до реформы 1877 г. общегерманское Г. судопроизводство было продуктом взаимодействия древнегерманских начал, реципированного римского права, канонического судопроизводства и имперского законодательства. Французское Г. судопроизводство сложилось благодаря законодательной деятельности королей и судебной практике, но в основе его лежит каноническое судопроизводство; в ордонансе 1667 г. французское Г. судопроизводство пред-

ставляется уже почти в том самом виде, какой оно имеет теперь. Русское Г. судопроизводство в XVIII в. представляло заимствования из германского судопроизводства, а в преобразовании 20 ноября 1864 г. (см. Судебная реформа) решающая роль принадлежала французскому Г. судопроизводству, которое сыграло такую же роль в германской реформе 1877 г. и повлияло на переустройство Г. судопроизводства во многих других второстепенных государствах. Подобно тому, как каноническое судопроизводство было важнейшим историческим фактором образования средневекового Г. судопроизводства, французское Г. судопроизводство есть важнейший фактор современного Г. судопроизводства.

Литература. Об отношении Г. судопроизводства к гражданскому праву см. A. S. Schultze, «Privatrecht u. Process in ihrer Wechselbeziehung» (1883). По истории римского и общегерманского Г. судопроизводства — Bethmann-Hollweg, «Der Civilprocess des gemeinen Rechts in geschichtlicher Entwicklung» (1864—1873). По истории древнегерманского Г. судопроизводства — Sohm, «Die fränkische Reichs u. Gerichtsverfassung» (1871); Schröder, «Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte» (1889). О германском Г. судопроизводстве до реформы 1877 г. — Mittermaier, «Der gemeine deutsche bürgerliche Process» (2-ое изд., 1827); E. Zink, «Ueber die Ermittlung des Sachverhaltes im fränzösischen Civilprozesse» (1860) — превосходное освещение принципиальных противоположностей германского и французского Г. судопроизводства; Wetzell, «System des ordentlichen Civilprocesses» — догматическое изложение. О германском Г. судопроизводстве после реформы 1877 г. — Bar, «Civilprozess», в энциклопедии Holtzendorff'a, последнее издание; здесь же указана вся литература нового Г. судопроизводства. По истории английского Г. судопр. — Glasson, «Histoire du droit et des institutions politiques, civiles et judiciaires de l'Angleterre» (1882—1883) — догматическое изложение системы до реформы 1873 г.; Rüttimann, «Der englische Civilprocess» (1851). Ныне действующее Г. судопроизводство см. у Schuster, «Die bürgerliche Rechtspflege in England» (1887). По истории французского Г. судопроизводства см. Glasson, «Les sources de la procédure civile française» (1882); его же, «Histoire du droit et des institutions de la France» (1887). Действующая система — кроме литературы в статье Бара в энциклопедии Holtzendorff'a — Garsonnet, «Traité théorique et pratique de procédure» (1885). Обзор современного австрийского гражданского судопроизводства с отличным изложением принципов современного европейского Г. судопроизводства — Menger, «System des österreichischen Civilprozessrechts» (I, 1876). По истории русского Г. судопроизводства: Н. Л. Дювернуа, «Источники права и суд в древней России» (М., 1869); Ф. Дмитриев, «История судебных инстанций от Судебника до Учреждения о губерниях» (1859); Кавелин, «Основные начала русского судопроизводства и Г. судопроизводства, от Уложения до Учреждения о губерниях» (1844); Михайлов, «Русское Г. судопроизводство в историческом его развитии от Уложения до издания Св. Законов». Беглый очерк истории Г. судопроизводства см. в издании Суд. Уст. 1864 г. госуд. канцелярии. Современное Г. судопроизводство — Мальшев, «Курс Г. судопроизводства»; Анненков, «Опыт комментария к уставу Г. судопроизводства». Для первоначального ознакомления с порядком производства в окружных судах — Г. Вербловский, «Движение русского Г. процесса на одном примере»; Гольмстен, «Учебник русского Г. судопроизводства». Другие литературные указания см. при специальных терминах.

М. Брун

Гражданское уложение — о работах по составлению нового гражданского уложения см. Уложение гражданское.

Грамота — греч. слово, означающее письмо, письменный документ. К нам оно перешло во времена самых первых наших сношений с Грецией и до XV в. было исключительным термином для обозначения всякого рода письменных документов. Только в XV и XVI вв. появляются в значении письменных актов, и то смешанно с «грамотою», названия: крепость, запись и память. Г. назывались княжеские и царские указы и повеления, письма, акты судебные, завещания, всевозможные сделки по имуществам и личным обязательствам и т.д. (письма чаще назывались, особенно в XVII в., «грамотками», «грамотицами»). Широко было распространение «грамот» и в XVIII в. В настоящее время «грамотой» называется только акт, данный от государя или правительства на чин, на княжеское, графское и баронское достоинства, на звание потомственного почетного гражданина и т.п. Г. относились ко всем сторонам древнерусского быта; содержание их до некоторой степени определяется прилагательными, присоединенными к ним, как то: жалованные, купчие, меновные и т.д. Первою Г. на Руси считается упоминаемая у Нестора Г. Владимира св., данная им церкви св. Богородицы на десятину (Лаврент. сп. под 6504 г.). Первая подлинная, дошедшая до нас Г. — «жалованная» Г. Мстислава Владимировича новгородскому Юрьеву монастырю на землю, с припискою его сына Всеволода, 1128—1132 гг. Все Г. могут быть разделены на *правительственные*, *частные* и занимающие середину между теми и другими. К первым принадлежат Г. жалованные, указные и судные. Общая черта их та, что в них непременно участвует правительственная власть, начиная с великих и удельных князей, от которых исходят льготы, указы и судебные решения, и кончая княжескими чинами, творящими суд и расправу по княжу слову или по Г. К частным Г. относятся раздельные, мировые, меновные, купчие, душевные и др. К категории Г., колеблющихся между частными и правительственными, принадлежат отводные, разводные, данные, докладные и др. Одни из них совершаются правительственными чиновниками, по приказам высшей власти и собственному ее почину, или по просьбе заинтересованных лиц; другие имеют характер частных сделок, с участием правительственных судей.

Древнейшие Г. писались на пергаменте, в длину и ширину, затем складывались или свертывались в свиток; иногда писались в на досках, лубе и бересте. С распространением бумаги (XV в.) и скорописи писали на отдельных листах или в столбах, которые склеивались сзади. Такой длинный ряд склеенных листов сворачивался в трубку и отдавался на хранение — это были свитки-столбцы, сохранившие свою форму вплоть до XVIII в. Но уже в XV и XVI вв. стали писать в тетрадах и заводить для производства книги, в которые и вносились все документы и которые велись обыкновенно в приказах. Для рассылаемых Г. и для черновых господствовала система свитков. Пергаментные грамоты были в ходу в XII—XIII вв. и в первой половине XIV века. Встречались они и позже, но как исключение. Древнейшие Г., писанные на тряпичной бумаге: новгородская купчая 1359 г. и жалованная вел. кн. Дмитрия Ивановича новоторжцу Евсевку, 1362—1374 г. До XV в. письмо Г. — полууставное, а с конца

XV в. — скорописное. Древнейшие Г. — без *подписи* имен; в жалованных Г. XV в. впервые встречаются пометы княжеского титула и имени, но они вплоть до XVII в. были не собственноручные, а писанные дьяками. Дмитрий Самозванец первый оставил автограф своих писем и подписей. Петр Вел. первый стал подписывать сам все акты, исходящие от верховной власти. Важнейшие государственные акты, как то: Г. соборные, поручные и др., подписывались присутствовавшими или по причине их неграмотности другими лицами. В древнейших Г. вместо рукоприкладства служили *кресты* и *печати*, а в позднейших, особенно в вкладных и духовных, их заменяли припискою имен свидетелей или духовных лиц, бывших при этом, или лиц, писавших акты. Изредка встречаются собственноручные подписи и на древнейших актах, напр., в духовной Варлаама Хутынского. *Печати* были металлические (свинцовые, серебряные и др.) и восковые (желтые, красные, черные). Прикладывались они иногда в большом количестве, как, напр., в некоторых новгородских Г., но большею частью по одной; иногда они приклеивались. Употребление *хронологических дат* установилось не сразу. В древнейших Г. время не обозначалось, а только лица и обстоятельства, при которых совершался акт. Раньше всего встречаются хронологические даты в Г., касающихся сношений с ганзейскими городами (XIII в.), и в актах Литовской Руси, причем даты — от Р. Х. В Московской Руси вообще хронологические даты входят только с XIV в. и от сотворения мира. Счет от сотворения мира в Г. прекращается только при Петре Вел. Иногда на Г. XV и XVI вв. встречаются пометы месяца и числа, с 30-х гг. XVII в. такие пометы стали общими и обязательными. Для удостоверения и сохранения на будущее время некоторые Г. записывались в книги правительственных лиц и учреждений. Из псковской судной грамоты видно, что для полной достоверности некоторых из актов требовалось положить список в Троицком соборе.

Общая *форма* всех древних актов одинакова. Совершитель акта выводится в них говорящим в первом лице, и потому начинаются Г. так: «Се аз такой-то»... Затем идет изъявление им своей воли со всеми подробностями и условиями, а в конце означаются свидетели («а на то послуши такие-то»), писавший грамоту и время написания. Об отступлении от этой формы см. ниже, Г. купчие.

В *Литовской Руси* Г. писались во весь лист поперек, на листах, перегнутых пополам и потом сшитых, отчего и Г. здесь наз. *листами*. В форме изложения они значительно отличаются от московских (во вступительной части, в титуле, подписях и печатях; латинская подпись короля появляется очень рано). Почти все княжеские Г., касавшиеся внутренних дел Литовского княжества, до конца XV в. писались на русск. яз.

Изданы Г. в следующих главнейших сборниках и описаниях: Новикова, «Древняя Росс. Вивлиофика» (СПб., 1773—1775, отд. изд. 1788—1791); «Собрание госуд. грамот и договоров» (М., 1813—1828); Берха, «Древние госуд. грамоты, собр. в Пермской губ.» (СПб., 1821); «Акты археографич. экспедиции» (СПб., 1836); «Акты юридические» (СПб., 1938); «Акты

исторические» (СПб., 1841—1842); «Дополнение к актам историч.» (СПб., 1846—1869); «Акты, относящиеся к истории Зап. России» (СПб., 1846—1853); «Акты, отн. до юридич. быта России» (СПб., 1857—1884); «Акты, относ. к ист. Юго-Зап. России» (СПб., 1861—1889); «Памятники, изд. киевскою археогр. ком.» (К., 1845—1859); «Архив Юго-Зап. России» (К., 1859—1888); «Акты, изд. виленскою арх. ком.» (В., 1868—1888). Кроме того, много Г. издано в разных повременных исторических и историко-юридических изданиях, в отдельных изданиях «Материалов», относящихся к той или другой местности или губернии, в описаниях библиотек, монастырей и др. Едва ли не столько же хранится еще неизданных Г. в разных архивах, монастырских ризницах и т.п.

Научная обработка Г. еще довольно незначительна и несовершенна. См. митроп. Евгений, «Замечания об уставных и губных грам.» («В. Евр.» 1813, № 21); Васильев, «Историческое обозр. актов и суд. бумаг в России» (в «Трудах М. О. И. и Др.», 1830); Саларев, «Описание разного рода росс. грамот» («В. Е.» 1819, 4); Ерлыков, «Сличенный список губных грамот» (в «Чтен. М. О. И. и Др.», 1846, кн. 2); Киндинов, «Опыт ученой обработки купчих гр.» (Каз., 1855); Чичерин, «Опыты по истории русс. права» (М., 1858); Неволин, «Собр. Соч.» (т. 4 и 6); Горбунов, «Льготные грамоты» (в «Архиве ист. и юрид. свед.» Калачева, кн. 1 и 5, 1860—1861); Высоцкий, «Уставные, судные и губные грам.» (1860), Загоскин, «Уставные гр. XIV—XVI вв.» (К., 1875); Мейчик, «Грамоты XIV—XV вв., хран. в москов. архиве мин. юст.» (М., 1883).

В. Р.

Важнейшие грамоты:

Г. *бессудные* — см.

Г. *благословленные* — см. *Благосл. Г.* называлась и та, которую новопоставленный священник или диакон перед отправлением в приход получал от архиерея.

Г. *благословленные епитрахильные и орарные* получали от архиереев вдовые священники и диаконы, если они обещались хранить чистоту и стоять на клиросе. В них предписывались правила самой строгой жизни и допускалось держать только у себя дома епитрахили и орарь, причащаться в них в алтаре, но не служить.

Г. *взметные*, иначе — разметные или складные, вошедшие в употребление около XV в., посылались при объявлении войны. Они указывали причину разрыва и оканчивались обыкновенно словами: «взяв себе Господа в помощь, иду на тебя и хочу стоять, как будет Богу угодно, а крестное целование с себя слагаю».

В. Р.

Г. *вотчинные жалованные* — документы на право владения вотчиной с изложением условий этого владения. Сначала не было одного раз навсегда установленного образца жалованной Г.; объем прав, предоставлявшихся в это время вотчинникам жалованными Г., зависел всякий раз от личного усмотрения государя. Только с 7127 (1618) г. образец жало-

ванной Г. утверждался особым указом, так что никаких изменений в ней не могло быть сделано до тех пор, пока новый указ не изменял образца, равно обязательного для всех служивых людей. Таких образцов в XVII в. было три. Древнейшим видом являются жалованные Г. прямо на вотчины (хотя бы и без употребления последнего термина). В XVII веке жалованные грамоты обыкновенно давались на вотчины из поместья. Существенными указаниями являлись здесь: а) причина пожалования; б) объем прав, предоставлявшихся вотчиннику, и в) количество земли и угодий, жаловавшихся в вотчину. Жалованных Г. напечатано довольно много, но масса их еще отыскивается в столбцах Поместного приказа, издание которых предпринято Академией Наук. Литературу предмета, образцы Г. и указы см. в книге В. Н. Сторожева: «Указная книга поместного приказа» (М., 1889).

В. Ст. Г. губные — см. Губной староста. *Г. данные* — дарственные записи, обнимающие как простое *дарение*, так и вид его — пожертвование. Если имущество отдавалось жертвователем по душе, что в древности называлось вкладом, то и самая грамота называлась *вкладною*; по своему содержанию она ничем не отличалась от обыкновенных *данных* (древнейшая *вкладная* — преп. Варлаама Хутынского монастырю, конца XII в.). Права, предоставляемые дарителями или жертвователями частным лицам и монастырям, выражаются в них, как и в купчих, словами: «дал такому-то то село и т.д.» или с прибавлением: «звек, впрок без выкупа».

В. Р.

Г. договорные. В XIV и XV веках такими грамотами юридически определялись отношения великих и удельных князей между собою. Практическое значение их было ничтожно, и они всецело могут быть рассматриваемы, как исторический анахронизм; зато научное их значение чрезвычайно высоко, так как в них можно наметить отголоски глубокой старины и встретить множество данных, касающихся и не междукняжеских отношений. Договорные Г. собраны в издании Н. П. Румянцева — «Собрание госуд. Г. и договоров». См. В. Н. Чичерина, «Духовные и договорные Г. вел. удельных князей» (в «Опытах по истории рус. права»), и Дебольского, «Древнерусские междукняжеские отношения по договорам» (в IV т. «Исторического Обзорения»).

В. Ст.

Г. dokonчательные — см. Договорные Г.

Г. духовные или душевные. — Так назывались в древнерусском быту духовные завещания, содержавшие в себе не столько распоряжения завещателя по имуществу, сколько изложения его душевных желаний, отчего и получили название «душевных». До нас сохранилось довольно много таких Г., принадлежащих князьям и частным лицам. В первых (по преим. великокняжеских) заключаются распоряжения по имуществу и определения семейных отношений между наследниками. Во вторых после распоряжений по имуществу, распределяемому между наследниками, встречаются приказания отделить известную часть имущества в пользу церквей и монастырей и отпустить на свободу холопов, иногда с придачею им

«сельца-купли» и др. (См. Завещания). Древнейшею душевною Г. считается Г. Владимира Васильевича 1288 г. Как исторический материал, Д. Г. важны для изучения междукняжеских отношений и для знакомства с княжеским бытом и со взглядами и понятиями древнерусского общества.

Г. *жалованные* — см. Жалованные грамоты.

Г. *земские* — уставные земские Г. Литовского государства, предоставляющие привилегии известной части государства (ср. Владимирский-Буданов, «Хрестоматия по ист. русского права», вып. II).

Г. *кабальные* — письменное обязательство, как личное, так и по имуществу. Они происходили или вследствие *займа*, основанного на личном доверии, или займа, обеспеченного залогом или *закладом* имущества, или, наконец вследствие *личного найма*, срочного или бессрочного, и поэтому назывались — *заемными, закладными и служилыми*. Кроме того, всякое законное, судебною формою совершенное укрепление кого-либо за собою для домашней ли прислуги или вообще для работы, всякое обращение кого-либо в дворового человека — называлось *кабальною* Г.

Г. *купчие*, называемые также «купчими записями» или просто «купчими», начинаются объявлением совершающих акт, что такой-то (в первом лице) купил у такого-то, а с половины XVI в. — что такой-то продал такому-то; затем следовало перечисление проданного имущества, означение границы земельных угодий, определение цены имущества и, наконец, изложение условий и обязательств, принятых контрагентами. Затем прописывалось: «а на то послуши», или «а на то люди...», или «а у сей купчей сидели в мужех,...» — и следовал перечень имен свидетелей. За именами свидетелей — имя лица, писавшего Г., место написания ее и время (с начала XVI в.). Ни в каком отделе грамот формальные особенности Новгородского края не выразились так полно, как в купчих, относящихся к Николо-Чухченемскому монастырю. Первая особенность — употребление третьего лица вместо первого; вторая, более важная — заключительные выражения: «а у печати стоял и землю завел такой-то», т.е. продавец или его доверитель, которые указывают: 1) на большее распространение в новгородской земле письменной формы сделок, чем в центральной России, и 2) на публичный характер этих актов. По способу совершения, купчие домашние, совершавшиеся на дому различаются на *подписные* и *докладные*: первые — с свидетельством или подписью правительственной власти о действительности акта, вторые — писанные по докладу или с доклада, с согласия частных лиц, имеющих на отчуждаемое имущество какие-либо особые права. По *предметам* купчие делятся на собственно купчие и *купчие посильные* [Посилы — тяглый жеребий, от величины которого зависит размер лежащих на нем податей и повинностей, он является показателем хозяйственной и податной силы плательщиков] или *купчие отступные*. Первые имеют своим предметом вотчины или вообще имущества, принадлежащие продавцу в собственность; вторые суть купчие на черные земли тяглых людей и большею частью только на право пользования ими.

Г. льготные, предоставляющие частным лицам, монастырям или общинам льготы в платеже податей или в отправлении натуральных повинностей. Они выдавались с красной печатью и за плату в пользу печатника от печати и в пользу дьяка от подписи.

Г. межевые, называемые также списками и памятьми, разделяются на собственно *межевые*, *отводные* и *разъезжие* или *разводные*. Последствия указывают на прекращение столкновений, возникавших между соседями от того, что коса с косой или топор с топором сходились. В *отводных* описывались границы участка, переходящего от одного лица к другому по договору. *Межевые* Г., которые были и правительственные, и частные, имели целью описание одной или нескольких границ (меж) известного земельного участка; в совершении их непременно участвовали обе стороны, и указание меж происходило в присутствии мужей, людей и послухов. Правительственные межевые Г. составлялись органами княжеского управления и по приказанию князя, а частные — самими заинтересованными в деле лицами, с ведома или без ведома правительственной власти. В случае спора излагался в Г. ход судного дела.

Г. мировые довольно разнообразны; общие их части суть: 1) означение участников сделки и ее характера; 2) повод к мировой сделке; 3) содержание сделки, и 4) оговорка о нерушимости мира.

Г. мытные — см. Мыть.

Г. меновные. Общее содержание их: 1) означение меняющихся и существа сделки, и 2) предмет мены. При обмене земель старые межевые знаки заменялись новыми. Число меновных Г. уменьшается значительно уже в XV в.

Г. наказные выдавались митрополитами и архиереями монастырям о послушании, богоугодной жизни, с правилами о пользовании монастырскими доходами и т.д.

Г. настольные давались новопоставленным митрополитам, епископам и вообще посвящаемым из черного духовенства. В них сначала объявлялось о поставлении; затем указывались права, определяющие власть новопоставленного, и в конце все христиане приглашались к почитанию митрополита или епископа.

Г. несудимые освобождали от подсудности или всем вообще, или только некоторым судьям, и выдавались преимущественно духовенству на право избавления от светского суда и особенно часто до полов. XVI ст. «Стоглав» (гл. 67) запретил эту выдачу.

Г. обельные, освобождающие от податей и повинностей некоторых городских или волостных черных людей. Если к этому присоединялось освобождение от подсудности известному судебному органу, то Г. получали название *обельно-несудимых*.

Г. опасные выдавались иностранным послам на свободный въезд в русские пределы.

Г. *отдельные* — в сущности то же, что и отказные Г., с тою только разницей, что здесь предписывалось отдать челобитчику во владение часть какой-либо старой дачи.

Г. *отказные* — предписания поместного приказа местной администрации отказать (т.е. отдать во владение) челобитчику какой-либо участок земли, находящийся в районе действия этой администрации (см. Ввод во владение). Отказная Г. всегда заключает в себе сжатое изложение дела, слушавшегося в приказе. Отказных Г. можно найти множество в столбцах поместного приказа, что дает возможность высчитать промежуток времени между началом дела в приказ, приговором по делу и выдачей челобитчику отказной Г., которую необходимо было для печати принести в печатный приказ.

В. Ст.

Г. *отпущные* или *отпускные* (с 1550 г.). Ими давалась воля холопам и рабам; силу они получали только тогда, когда были явлены у судебной власти или написаны рукою отпуславшего господина. В Москве отпускные Г. выдавались боярами, а в Новгороде и Пскове — наместниками. Кроме этих городов, они нигде больше не выдавались. Получивший такую грамоту платил пошлины: боярину или наместнику от печати 9 денег, дьяку — алтын и подьячему, писавшему отпускную, — 3 деньги.

Г. *отписные* выдавались пожизненным владельцем вотчиннику против его жалованной грамоты и представляла собою как бы расписку в принятии пожалованной ему земли на определенных условиях.

В. Р.

Г. *передельные* — предписания поместного приказа местной администрации о переделе земли между челобитчиками; передел допускался в течение года со дня отказа или отдела и в случае нарушения правила делит землю по вытню, по четям, а не выбором и не через двор.

Г. *послушные* выдавались из поместного приказа и имели целью приведение в послушание крестьян вновь приобретенной вотчины. Пошлина с них взималась в поместном приказе по числу четвертей земли. В конце XVIII в. выдача послушных Г. стала выходить из употребления вместе с вотчинною запискою.

В. Ст.

Г. *правые* состояли из двух частей:

1) судного списка, в котором излагалось судоговорение и доказательство, и 2) приговора. Выдавались они правой стороне по ее просьбе, или а) чтобы предупредить могущий вновь возникнуть спор между истцом и ответчиком, или б) чтобы доставить правой стороне акт укрепления его права на спорное имущество. Если в докладном списке прямо предписывалось выдать правую грамоту, то такая правая Г. обыкновенно называется *правою докладною грамотою*, в отличие от правых-простых. Внешнее отличие правой докладной — то, что она начиналась со слов: «и по великого князя слову»... или «по княжу слову судья»... (если доклад происходил пред боярином). Кроме того, различают *правые разъезжие* и *правые беглые* Г. В первых «*разъездом*» определялись границы спорных владений; вторые

давали право отыскивать и водворять *беглого* холопа. Все доселе изданные правые Г. относятся к XV—XVII вв. За правую Г. платилась пошлина, как за отпускную.

В. Р.

Г. *представительные, увольнительные и мирные* (установленные 33-м, 12-м и 13-м правилами апостолов и многократно соборами вселенскими и поместными) давались клирикам, отходящим в другие епархии, рукоположившими их епископами: в первых заявлялось, что такой-то клирик действительно имеет такую-то священную степень, или что он «чтит истинную веру», или, наконец, если клирик был в чем-либо обвиняем — что он невинен; во вторых говорилось, что такому-то дозволено перемещение и беспрепятственное прохождение священнослужения; мирными назывались Г., которыми частным образом обменивались епископы.

Н. Б.

Г. *проезжие* — документы, выдававшиеся в Московском государстве XVII века лицам, желавшим выехать «в иное государство для торгового промысла или иного для какого своего дела»; на Москве били о ней челом государю, а в городах — воеводам в съезжей избе. В Уложении царя Алексея Михайловича вся шестая глава посвящена изложению порядка выдачи проезжих Г.

В. Ст.

Г. *раздельные*, или *дельные*, начинаются обыкновенно вступлением: «се яз такой-то да яз такой-то поделилися есмь тем-то»... Тут же обыкновенно означалось «происхождение делимого имущества», т.е. от какого родственника и по какому основанию оно дошло до участников дележа. Раздельные Г. нередко совпадают с межевými разъезжими.

Г. *рядные* касались или соглашений по имению, или соглашений брачных. Первые близки к купчим, а особенностями вторых (брачных) было означение имен жениха и невесты и означение срока, к которому должна быть совершена свадьба.

Г. *срочные*. По объяснению Дмитриева, срочная Г. — акт, обращенный к лицу ответчика о времени его явки в суд и строго отличавшийся от «приставной памяти». Владимирский-Буданов и Дювернуа утверждают, что срочные Г. давались обеим сторонам, или, правильнее, обе стороны условливались о сроке явки в суд, и это условие скреплялось дьяком. Древнерусское судопроизводство знало еще вид срочных Г. — «отписные ср. Г.», представлявшие собою письменное удостоверение об изменении судебного срока по просьбе обеих или одной стороны. От срочных Г. взималось в пользу дьяка от подписи по 2 деньги, а от отписных срочных — по 3 деньги с рубля; в пользу подьячего как с тех, так и с других взималось по 2 деньги с рубля. Если истец и ответчик вместе хотели отписать срок, то должны были платить от отписи и от письма пополам.

Г. *ставленные* выдавались (и выдаются) вновь избранным священникам, диаконам, причетникам и др. от архиерея, за его подписью и печатью. При вступлении в должность они отбирались и хранились в церкви.

Г. *судные* — древние уставы о производстве суда и расправы, содержащие, главным образом, правила суда по делам уголовным и гражданским. Встречающиеся в них постановления по отношению к другим отраслям управления крайне редки и кратки. Начинаются они словами: «судитися им, судити им, судити ему по сей нашей грамоте»... и затем: «а о которых делах в сей грамоте указ не написан, и те дела вершити по Судебнику». Незначительные и краткие вначале (в первые времена удельного периода), Г. судные постепенно дополнялись и уже около половины XV в. являются в весьма подробно развитых формах. Наиболее развитыми по содержанию, как бы образцами всех других, считаются *псковская* и *новгородская* судная Г. (см.). После «Русской Правды», судные Г. — лучший материал для изучения движения нашего древнего законодательства.

В. Р.

Г. *сыскные* — предписания поместного приказа местной администрации о сыске про землю, просимую челобитчиком: действительно ли, например, просимая земля находится в порозжих землях, в поместье и в вотчину никому не отдана, и к дворцовым селам, и к черным волостям, и к ямским слободам, и к монастырским землям не приписана; или — правда ли, что просимую землю ответчик владеет не по дачам или сверх дач и т.п. Обыкновенно сыскная Г. была вместе с тем отказною или отдельною и в случае правильности показаний челобитчика, которые и должна была проверить местная администрация, предписывала отказать или отдать просимую землю челобитчику.

В. Ст.

Г. *таможенные* определяли размер таможенных пошлин, предметы, местности и лица, подлежащие сбору или изъятые от него, и вместе с тем указывали взыскания за уклонения от платежа таможенных пошлин.

Г. *тарханные* утверждали «тарханное право», даваемое патриарху, архиереям, монастырям, князьям и знатным боярам — право не быть судимым никем, кроме государя, и не нести повинностей. Право это отменено Иоанном IV, но им пользовались еще в XVIII в. Слово «тарханы — татарское — значит вольный человек, человек свободный от платежа повинностей, налагаемых ханом, и не обязанный делиться с ним полученною на войне добычею. Тарханные Г. появились у нас со времени выдачи золотоордынскими ханами тарханных ярлыков нашему духовенству.

Г. *указные* относятся к XVI и XVII вв.; в XV в. они назывались просто «грамматами». Существенные составные их части: 1) вступление, или заголовок, 2) повеление и 3) печать и подпись; несущественные — 1) повествование, или изложение обстоятельств дела, по которому состоялось повеление, и 2) прочет. Начинались эти Г. всегда словами: «От великого (или просто) князя (имя рек) в такое-то место, такому-то»... В большинстве случаев вслед за этим шло изложение (челобитье или судное дело, которыми вызвано следующее за сим распоряжение). В тех Г., где нет изложения, вторую часть составляет повеление: «и ты (или вы) бы делали то-то»... Очень часто Г. заканчивались словами: «а прочет его мою грамоту,

да отдайте им назад, и ни (и они) держат ее себе впрок иных для наместников, волостелей, поледчиков» и т.д. Отсюда позднейшее наименование *грамот с прочетом*. — Содержание Г. крайне разнообразно. Заключающиеся в них повеления и приказы князей и княгинь (преимущественно — должностным лицам) относятся почти ко всем областям права. Оставаясь в руках лиц, которые обязывались что-либо совершить или не совершить, они получали значение документов, удостоверяющих разного рода права лиц и учреждений. В историческом отношении они важны тем, что знакомят с воззрениями князей на различные предметы правовой жизни. Обыкновенно указные Г. сближают с жалованными и судными.

Г. *уставные* — см. Кормление.

В. Р.

Грасс Людвиг Иеронимович — русский юрист и экономист, род. в 1841 г. По окончании курса в СПб. унив. поступил на службу по мин. юст.; в настоящее время состоит председателем Казанского окружного суда. Писал много статей по юрид. вопросам, из которых представляет интерес брошюра «Психопатическая конституция как самостоятельный повод невменения». Являясь убежденным сторонником страхования сельскохозяйственных посевов от неурожая, он написал капитальный труд «Страхование сельскохозяйственных посевов от неурожая» (1891), снабженный обильными статистическими данными. Ум. в 1896 г.

В. С-ин

Грегориан (Gregorianus) — римский юрист времен Диоклетиана (284—305 гг. по Р. Х.), известный только по не вполне дошедшему до нас сборнику законов императоров от Адриана до Диоклетиана. Этот *Codex Gregorianus* часто цитировался при позднейших римских императорах и, вероятно, вместе с другими сборниками был положен в основу кодекса Юстиниана.

Греческое право — см. Древнегреческое право.

Гримм Давид Давидович — юрист. Род. в 1864 г. в СПб. Образование получил в СПб. университете. Служил в канцелярии IV департамента прав. сената, затем два года занимался в Берлине римским правом. В 1893 г. защитил магистерскую диссертацию: «Очерки по учению об обогащении». С 1894 г. стал читать лекции в СПб. университете по кафедре римского права; с 1895 г. преподавал в Александровской военно-юридической академии энциклопедию и историю философии права. В 1900 г. защитил диссертацию на степень доктора римского права: «Основы учения о юридической сделке». Состоит профессором в Училище правоведения и СПб. унив. В 1904 г. назначен инспектором классов Училища правоведения. Напечатал: «Очерки по учению об обогащении» (выпуск I-й и II-й, Дерпт, 1891, вып. III, СПб., 1893); «Основы учения о юридической сделке в современ-

ной немецкой доктрине пандектного права» (т. I, СПб., 1900); «Курс римского права» (т. I, вып. I, СПб., 1904); статьи: «К вопросу о понятии владения по римскому праву» («Журн. СПб. Юрид. Общ.», октябрь, 1894); «Понятие владения в Своде местн. узак. губ. прибалтийских» («Журн. Мин. Юстиции», декабрь, 1894); «К вопросу о понятии и источнике обязательности юридических норм» (ib., июнь, 1896); «Юридическое отношение и субъективное право» (ibid., апрель и май, 1897); «К учению о субъектах прав» («Вестн. Права», ноябрь и декабрь, 1904).

Гроицкий Бартош (Groicki, 1519–1599) — польский юрист, автор целого ряда сочинений, посвященных магдебургскому праву (см.). Учился правоведению в краковской акд., был подвойтом краковским (писарем высшего суда). Соч. Г.: «Abrogatio et moderatio abusuum et sumptuum etc.» (1547 — краткие положения о тех делах, в которых судья дает приговор и получает судебные акциденции); «Artykuły prawa magdeburskiego, które zowią Speculum saxonum» (1558 — переделка и сокращенное изложение Саксонского зеркала и сборника магдебургского права); «Porządek sądów i spraw miejskich prawa magdeburskiego» (1555 — трактат об общих началах права, судоустройстве, судопроизводстве, наказаниях и преступлениях, составленный по тем же источникам); «Ustawa płacy i sądów w prawie magdeburskim» (1560 — устав о платежах за вину); «Postępek wybran jest z praw cesarskich и т.д.» (1560 — вольная передача Каролины, т.е. уголовного уложения Карла V); «Regestr do porządku i do artykułów prawa magdeburskiego i cesarskiego» (1567 — алфавитный указатель слов и юридических терминов с ссылкой на вышеназванные сочинения, а иногда и с объяснениями); «Tytuły prawa Magdeburskiego do porządku i do artykułów» (1567 — трактат о вопросах гражданского права, составляющий продолжение «Artykuły prawa magdeburskiego»). Все эти сочинения, напеч. в Кракове и многократно переиздававшиеся, в последний раз в Перемышле в 1760 г., составлены с учебною целью. Свои доказательства автор нередко черпает из Священного Писания, ссылается на communis opinio, на общее учение докторов права, в частности, на Бартола, Цазия и др. С течением времени названные соч. Г. получили в судах силу закона и составили свод под общим названием: «Porządek Sądów i spraw miejskich prawa magdeburskiego». В Малороссии уже в конце XVI ст. существовали русск. переводы «Порядка», а в 1735 г., когда сделана была попытка кодификации малороссийских законов, свод этот переведен был на русский язык по распоряжению правительства. Применялся он в Малороссии до издания закона 3 февр. 1831 г., которым магдебургское право было заменено литовским статутом и общими российскими узаконениями; в законе этом Г. неправильно назван Троицким. Кроме приведенных соч., Г. еще принадлежат: «Prawa między góspodarzem a komornikiem krótko spisane» (Крак., 1567), «Obrona sierot i wdów opiekunom i kuratorom» (Крак., 1605). Ср. Кистяковский, «Права, по которым судился малороссийский народ» (Киев, 1879).

А. Я.